

Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 143–155.
Society: Philosophy, History, Culture. 2023. No. 3. P. 143–155.

Научная статья
УДК 94(470.32):314
<https://doi.org/10.24158/fik.2023.3.22>

Региональные особенности демографических показателей Центрального Черноземья России в период голода 1932–1933 годов

Назар Николаевич Назаренко¹, Надежда Владимировна Коршунова²,
Анатолий Викторович Башкин³

^{1,2}Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

³Независимый исследователь, Москва, Россия

¹nnazarenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2425-3649>

²korshunovanv@cspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4648-0893>

³lost_empire@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1086-8690>

Аннотация. В статье рассмотрена проблема оценки естественного движения населения в период голода 1932–1933 гг. в Центрально-Черноземном регионе России. Установлено, что он был полностью охвачен системой учета с высокой точностью учета населения в условиях высочайших миграционных потоков. Наблюдалась в первую очередь демографическая катастрофа городского населения, а уничтожение голодом крестьянства не подтверждено историческими данными. Представлены региональные оценки рождаемости и смертности, а также их географическая зональность. Наиболее благоприятная ситуация была на севере и северо-западе региона, а территорией демографической катастрофы был юго-запад (районы современной Белгородской области). Доказано отсутствие какой-либо этнической компоненты (этноцида или геноцида) в событиях 1933 года в Центральном Черноземье России – смертность сельского населения не отличалась в украинских национальных и русских районах. Не выявлена искусственность голода по какой-либо единой системе, организованной центральной властью. Смертность, наиболее вероятно, определялась действиями местных властей либо природными факторами, что требует дополнительной оценки.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг., рождаемость, смертность, естественное движение населения, динамика демографических показателей, демографические потери, Центрально-Черноземный регион

Благодарность: авторы благодарят уважаемого Марка Таугера (Mark B. Tauger, PhD, associate professor, Department of History, West Virginia University) за помощь в получении редких научных изданий.

Для цитирования: Назаренко Н.Н., Коршунова Н.В., Башкин А.В. Региональные особенности демографических показателей Центрального Черноземья России в период голода 1932–1933 годов // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 143–155. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.3.22>.

Original article

Regional Features of Demographics in the Central Black Earth Region of Russia during the Famine of 1932–1933

Nazar N. Nazarenko¹, Nadezhda V. Korshunova², Anatoly V. Bashkin³

^{1,2}South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

³Independent researcher, Moscow, Russia

¹nnazarenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2425-3649>

²korshunovanv@cspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4648-0893>

³lost_empire@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1086-8690>

Abstract. The article considers the issue of evaluating the natural movement of population during the famine of 1932–1933 in the Central Black Earth region of Russia. It is established that it was fully covered by the accounting system with high accuracy of population count under the conditions of the highest migration flows. The demographic catastrophe of the urban population was primarily observed, and the extermination of the peasantry by famine is not confirmed by historical data. Regional estimates of birth and mortality rates, as well as their geographical zoning, are presented. The most favourable situation was in the north and north-west of the region, while the south-west (regions of the modern Belgorod Oblast) was the area of demographic catastrophe. The absence of any ethnic component (ethnocide or genocide) during the events of 1933 in the Central Black Earth Region of Russia has been proved – the death rate of the rural population did not differ between the national Ukrainian and Russian districts. The artificiality of the famine by any single system organized by the central government has not been revealed. Mortality was most probably determined by the actions of local authorities or by natural factors, which requires further assessment.

Keywords: famine of 1932–1933, birth rate, mortality rate, natural population movement, dynamics of demographic indicators, demographic losses, Central Black Earth region

Acknowledgements: The authors thank the distinguished Mark B. Tauger (PhD, Associate Professor, Department of History, West Virginia University) for his help in obtaining rare scientific publications.

For citation: Nazarenko, N.N., Korshunova, N.V. & Bashkin, A.V. (2023) Regional Features of Demographics in the Central Black Earth Region of Russia during the Famine of 1932–1933. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 143–155. Available from: doi:10.24158/fik.2023.3.22 (In Russian).

Интерес к демографическим процессам Центрально-Черноземной области (ЦЧО) РСФСР обусловлен той важной ролью, которую она играла как один из важнейших сельскохозяйственных регионов страны. Центрально-Черноземная область, образованная в 1928 г., была разукрупнена в 1934 г. и преобразована в Курскую и Воронежскую области (в настоящий момент эта территория охватывает Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Тамбовскую области, большую часть Липецкой и юг Орловской области).

Задачей данной работы является оценка региональных особенностей естественного движения населения в период голода 1932–1933 гг. в Центральном Черноземье в границах 1933 г.

Историографическая оценка демографической ситуации в данном районе крайне противоречива и требует прояснения. Исследователи указывают, что Центрально-Черноземный район характеризовался в 1933 г. отрицательным естественным приростом населения. Так, С.А. Нефедов сообщает, что основная часть Центрально-Черноземного района оказалась в очаге демографической катастрофы (Нефедов, 2012: 160–161). В.В. Кондрашин описывает голодное бедствие и массовую смертность от голода в ЦЧО (Кондрашин, 2014, 2018). В.Б. Жиромская пишет, что голод охватил значительную часть ЦЧО, уточняя, что пострадало население Курской области (Жиромская, 2009). Наличие в российском Центральном Черноземье украинских национальных районов обусловило интерес к региону со стороны украинских историков. Однако их работы, например, статью Ю. Брызгунова, сложно анализировать, настолько она изобилует оценочными суждениями и формулировками, далекими от научной этики (Брызгунов, 2003).

Одной из проблем оценки голода 1932–1933 гг. является полнота охвата населения и точность учета демографических показателей (Андреев и др., 1993; Осокина, 1991). С. Уиткрофт, анализируя демографическую статистику рассматриваемого периода, пишет, что первичная регистрация населения была достаточно полной, проблемы учета были менее существенными, чем принято считать, а данные смертности и рождаемости статистических органов СССР можно использовать в исследованиях (Уиткрофт, 2013).

Ситуация со смертностью и рождаемостью в ЦЧО была менее однозначной, нежели ее представляли исследователи этого вопроса. Первичный учет рождаемости и смертности вели загсы при городских и сельских советах, которые представляли ежемесячные отчеты в местные статистические органы. Там их проверяли и уточняли, передавая в вышестоящие органы вплоть до Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР. Пересланные сводные отчеты по форме А и по форме 1-а сохранились в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Они содержат порайонные демографические показатели по городам и сельской местности на основе годовых разработок конъюнктурных отчетов загсов и районных статуправлений, в том числе данные о числе загсов и обслуживаемом ими населении. Отчеты за 1933 г., переданные в адрес ЦУНХУ СССР в течение 1934 г., содержат итоги естественного движения населения. Недоучет советскими статистиками оценивался по числу загсов, приславших отчеты, и по загсо-месяцам (общее число присланных отчетов за год). При отсутствии недоучета это число загсов, умноженное на 12 (месяцев). Еще одна оценка недоучета была по фактически охваченной численности населения (насколько она отличается от зарегистрированного населения). По ЦЧО сохранились отчеты за 1933 г. по форме А¹, по форме 1-а, поскольку годовые разработки выполнялись в 1934 г. после разукрупнения области, сохранилось два отчета по Курской² и Воронежской³ областям. Оценка неполноты охвата и недоучета населения ЦЧО представлена ниже (табл. 1).

Во-первых, возросла точность учета и полнота охвата населения по годовым разработкам по сравнению с конъюнктурными данными. Фактически, мнение о недоучете на местах не отвечает реальной ситуации, а использование данных конъюнктурных отчетов (в том числе и доисчисленных) приводит к искажению демографии голода. Во-вторых, был полный охват населения ЦЧО системой загсов – их число в сельской местности практически совпадает с числом сельсоветов, а несовпадение, по-видимому, связано с административно-территориальным переустройством области. Это же обстоятельство объясняет и несоответствие числа загсов и загсо-месяцев по городам (в целом число загсов почти в два раза превышает число горсоветов). Несоответствие численности населения в официальных публикациях и отчетных данных, скорее всего, связано с высочайшей миграционной активностью граждан.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 132–134.

² Там же. Д. 19. Л. 38–40об.

³ Там же. Л. 41–44.

**Таблица 1 – Недоучет естественного движения населения
Центрального Черноземья России (1933 г.)¹**

	Курская область		Воронежская область		Всего по ЦЧО		
	город	село	город	село	город	село	
Число советов [*] (загов)	23	1 601	30	1 755	53 (102)	3 356 (3 313)**	
Население (на 01.01.1933), тыс. чел.	449,8	4 813,2	796,4	6 126,7	1 246,2	10 939,9	
Загсо-месяцев	всего	660	18 918	840	20 960***	1 500 (1 353)	39 878 (39 906)
	отчетное	626	17 471	816	19 318****	1 442 (1 176)	36 789 (31 964)
Среднегодовое население, чел.	всего	475 695	4 541 609***	794 687***	5 714 559***	1 270 382 (1 217 100)	10 256 168 (10 339 400)
	отчетное	471 687	4 215 369***	787 656***	5 422 818***	1 259 343 (-)**	9 638 187 (-)**
Недоучет, %	загс	5,1	7,6	2,8	7,8	3,8	7,7
	население	0,8	7,1	0,9	5,1	0,9	6,0

Примечания. 1. В скобках приведены конъюнктурные данные. 2. * – по городам, включая рабочие поселки; ** – на 01.01.1933 указан 3 341 загс; *** – число в документе меньше суммы по районам; **** – число в документе больше суммы по районам; ***** – в документе число зачеркнуто и плохо читаемо.

Недоучет городского населения составил около 4 %, а сельского – 6 %, что в связи с высокой миграционной активностью населения – достаточно точно. Но в пояснении к отчету 1-а статистики указывали, что точность учета была 100 %, а разница между фактическими и отчетными величинами отражает разницу между фактическим получением отчетов и данными из ежемесячных ведомостей отсылки отчетов². В итоговых цифрах, пересчитанных в связи с новым административно-территориальным устройством 1935 г., для Курской и Воронежской области дается 100 % охват и учет населения, но численность населения выше, чем в форме 1-а и ближе к официальным данным³.

Районы с высокой «разницей между фактическими и отчетными величинами» сельского населения в Курской области: Коньшевский и Солнцевский (по 35 %), Урицкий (31), Старо-Оскольский (27), Хомутовский (35), Воловский (21), Тербунский (19), Корочанский (18), Должанский (16), Золотухинский (14), Медвенский (12), Горшеченский (11), Мценский и Гайворонский (по 10) и г. Гайворон (9). В Воронежской области – Мучапский (50 %), Старо-Юрьевский (27), Березовский (25), Кирсановский (24), Гремяченский (22), Никифоровский (16), Землянский (15), Становлянский (14), Тамбовский, Козловский и Липецкий (по 13), Архангельский, Лево-Россошанский и Лев-Голстовский (по 12), Панинский и Шехманский (по 11), Данковский и Михайловский (по 10) и г. Раненбург (10). Районы не имеют какой-либо географической привязки и «ареала недоучета», по-видимому, все зависело исключительно от работы специалистов на местах.

Таким образом, в Центральном Черноземье в период самого кризисного 1933 г. система учета населения работала достаточно эффективно, и ее точность (с учетом высочайшей миграционной активности населения) была высокой.

Исходя из отчетов по форме 1-а, рождаемость и смертность в ЦЧО нами была пересчитана с поправкой на «разницу между фактическими и отчетными величинами». Также были заново определены величины относительной рождаемости и смертности, поскольку ранее они приводились в расчете на среднегодовое население, а не на отчетное (табл. 2).

Рождаемость в ЦЧО составила около 318 тыс., а смертность – 383 тыс. человек. Это больше, чем в распространенных данных по Курской и Воронежской области за 1935 год⁴. Рождаемость практически совпала с оценками П.В. Загоровского (Загоровский, 1998), а смертность – меньше почти на 20 тыс. человек и на 15 тыс. человек меньше естественная убыль населения. Таким образом, даже в случае недоучета документальными данными годовых разработок оценки потерь от голода П.В. Загоровского являются завышенными.

ЦЧО пережила пик голода 1933 г. со сравнительно небольшими потерями (см. табл. 2) по сравнению с Поволжьем – рождаемость на селе была примерно в 2 раза выше, чем в очаге голода в Поволжье, а сельская смертность – в 2–3 раза ниже.

Особое внимание необходимо обратить на смертность в городах российского Центрального Черноземья (см. табл. 2). Во-первых, относительная смертность в городах (особенно Курской области) превысила смертность на селе, а естественная убыль населения в городах и селах Воронежской области оказались фактически одинаковыми – и это в аграрном регионе, где сельское

¹ Составлено и рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 132–134; Д. 19. Л. 38–44; Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). М., 1934. С. 88–95, 274–277.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 40об, 44.

³ Там же. Д. 16. Л. 14.

⁴ Там же.

население превышало городское почти в 10 раз. Городская смертность в ЦЧО сопоставима со смертностью в селах Средне-Волжского и Сталинградского краев, а естественная убыль городского населения более 23 тыс. человек сравнима с исчезновением $\frac{2}{3}$ населения г. Липецка (около 34 тыс. населения на 1933 г.). И если в работах по голоду 1932–1933 гг., как правило, описывается трагедия сельского населения (Дэвис, Уиткрофт, 2011; Жигульский, 2018; Жиромская, 2013; Жуков и др., 2020; Ивницкий, 2009; Нефедов, 2020) вплоть до выводов по уничтожению голодом российского крестьянства (социцид – крестьяноцид), то для ЦЧО показатели естественного движения населения эту теорию не подтверждают. В Центральном Черноземье России в 1933 г. была в первую очередь демографическая катастрофа не крестьянства, а в городского населения, как и в Поволжье и Волго-Вятском регионе (Назаренко, Башкин, 2021 а, б). Также становятся объяснимыми крайне жесткие действия властей по обеспечению крупных городов продовольствием, поскольку у их жителей вообще не было шансов спастись за счет местных биоресурсов.

Таблица 2 – Естественное движение населения Центрального Черноземья России в 1933 г.¹

Регион		Рождаемость*			Смертность*			Прирост*
		отчет	%	неместные**	отчет	%	неместные**	
Курская область	город	6 700 (6 757)	15,8 (14,2)	15 (52)	18 131 (18 285)	42,8 (38,4)	1 041 (383)	-11 431 (-11 528)
	село	112 057 (120 031)	24,7 (26,4)	301 (121)	137 720 (147 520)	30,3 (32,5)	474 (145)	-25 663 (-27 489)
Воронежская область	город	15 123 (15 256)	19,0 (19,0)	89 (315)	26 852 (27 089)	33,8 (33,7)	1 807 (1 454)	-11 729 (-11 832)
	село	165 203 (175 440)	28,5 (30,1)	706 (340)	178 686 (189 759)	30,8 (32,6)	562 (337)	-13 483 (-14 319)
Всего по ЦЧО	город	21 823 (22 013)	17,23	104 (367)	44 983 (45 374)	35,43	2 848 (1 837)	-23 160 (-23 361)
	село	277 260 (295 552)	28,53	1 007 (461)	316 406 (337 281)	32,53	1 036 (482)	-39 146 (-41 629)

Примечание. * – в скобках – с поправкой на недоучет; ** – в скобках – количество лиц с неустановленным местом жительства.

Высокие оценки потерь от голода могут аргументироваться значительной смертностью среди незарегистрированных мигрантов, спасавшихся от голода. Оценка рождаемости и смертности населения, незарегистрированного по месту жительства, является одной из проблем демографии голода. С. Уиткрофт указывает, что в 1933 г. загсы получили указания вести учет рождаемости и смертности только местных жителей и не учитывать лиц из числа неместного населения, для которых отсутствовали точные данные о прописке, полагая, что так пытались скрыть скачок смертности. Но на местах вопреки этому указанию такое население учитывали (Уиткрофт, 2013: 721–722). В действительности же форма ежегодного отчета 1-а «Общие итоги естественного движения населения» имела столбцы, куда статистики на местах вписывали родившихся, умерших и умерших до 1 года жителей, не являющихся постоянно проживающими в данной местности. Статистики Курской и Воронежской областей их добросовестно заполнили². В связи с этим можно дать оценку рождаемости и смертности и этой категории граждан (см. табл. 2).

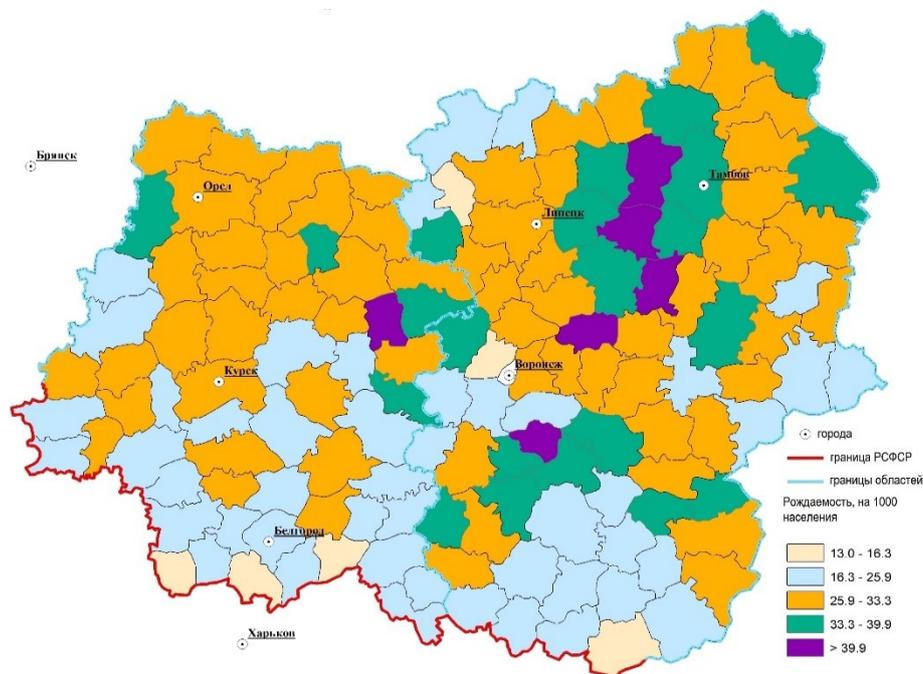
Количество и доля неместных и неизвестных умерших в городах ЦЧО значительно ниже, чем в Поволжье. Высокая смертность неместных была в городах Воронежской области, особенно – в Воронеже и Ельце. В них же и в Орле отмечалась высокая смертность неизвестных. В ближних к Украине городах – Курске и Белгороде – смертность неместных была почти в 2 раза меньше, и очень малое число умерших неизвестных. Это может указывать на то, что население не стремилось выехать из сравнительно более благополучных сел в менее благополучные города. В пользу этой версии говорит то, что, в отличие от Поволжья, где при очень высокой смертности мигрантов в городах, смертность неместных в селах была очень низкой (Назаренко, Башкин, 2021б), в ЦЧО число умерших и родившихся неместных на селе высокое, а значительная их смертность компенсировалась рождаемостью (см. табл. 2). С другой стороны, С.А. Нефедов пишет, что в первом полугодии 1933 г. в деревню вернулись около 400 тыс. высланных из городов, увязывая это с ужесточением паспортного режима (Нефедов, 2012: 66). Возможно, в ЦЧО это обстоятельство на фоне лучшего положения в селах оградило города от наплыва спасающихся от голода мигрантов. А высокая смертность неместных в Орле и Ельце может объясняться тем, что это транзитные города на пути в Москву, куда и был направлен основной поток мигрантов.

Детально региональные особенности естественного движения населения видны на уровне административных районов. Использование геоинформационного картографирования (Wheatcroft et al.,

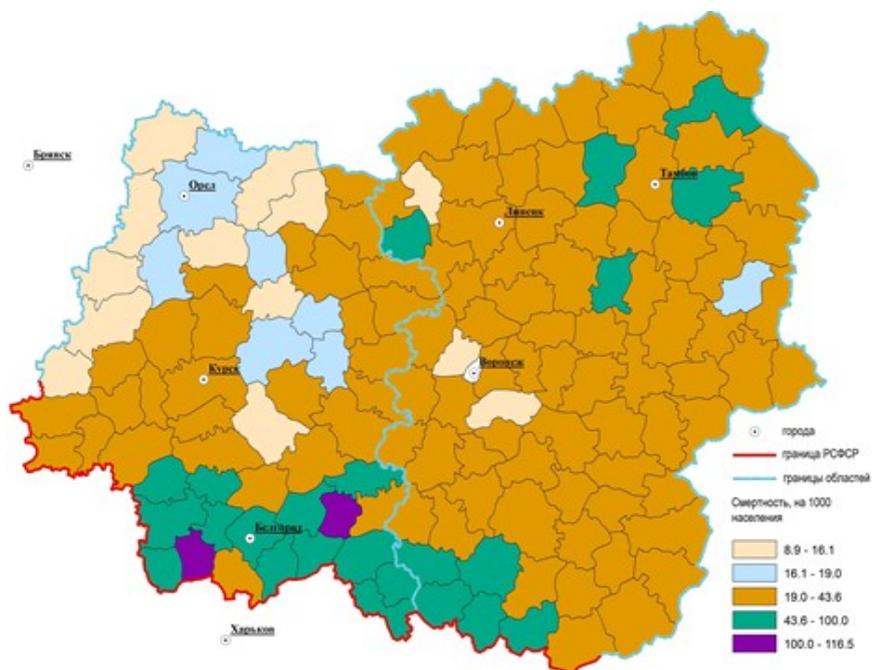
¹ Составлено и рассчитано по РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 38–44.

² Там же. Л. 38–44.

2013 а, б) дает возможность более полной сравнительной региональной оценки особенностей демографических процессов (Назаренко, Башкин, 2013 а, б). За основу нами были взяты пересчитанные показатели порайонной смертности сельского населения¹, которые вносились в базу и привязывались к картографической основе (административно-территориальное устройство) в пакете ArcGIS. При классификации районов использовалась шкалы, принятые для Нижнего Поволжья (Назаренко, Башкин, 2021 б) с целью сопоставления региональных особенностей очагов голода (рис. 1).

А

Б

Рисунок 1 – Рождаемость (А) и смертность (Б) на 1 000 чел. сельского населения в ЦЧО в 1933 г.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 38–44.

Рождаемость в ЦЧО имеет определенную зональность, причем районы с низкими показателями географически приурочены к пограничью с Украиной и расположены в юго-западной части региона (современная Белгородская область, южные, юго-восточные и центральные районы современной Воронежской области). Высокая рождаемость характерна для центрального северного и западного российского Черноземья (юг современной Орловской, центр и север современной Воронежской области, Тамбовская и Липецкая области). При этом в юго-западном регионе определяются районы с высокой рождаемостью, как правило, приуроченные к долинам рек: Северский Донец, Оскол, Дон и их притоков. Фактически рождаемость в регионе достаточно четко определяется географически и связана с комфортностью района проживания.

Смертность в ЦЧО также имеет достаточно четкую географическую приуроченность. Наименьшая смертность характерна для северо-запада (территория современной Орловской области, северо-запад и восток Курской области). Смертность в этом регионе сравнима со смертностью в западной части Волго-Вятского региона, не входящего в ареал голода 1932–1933 г. (Назаренко, Башкин, 2021 а). Для большей части территории ЦЧО смертность сравнима со смертностью в сельской местности Сталинградского края (исключая приволжские районы). Очаг катастрофической смертности расположен в юго-восточной части – пограничье с Украиной в районе Харьковской области и Луганщины (территория большей части современной Белгородской области и несколько районов юго-запада Воронежской). Очаг имеет четкое географическое простираение с северо-запада на юго-восток и привязан к юго-западной границе Среднерусской возвышенности – меловым горам водораздельных участков рек Ворсклы, Северского Донца и Оскола с достаточно жесткими специфическими природными условиями. При этом по характеру рельефа и простираению регион катастрофической смертности похож на очаг катастрофической смертности на северо-западе Нижне-Волжского края (Назаренко, Башкин, 2021 б). В связи с такой географической зональностью смертности в Центральном Черноземье и в Нижнем Поволжье необходима сравнительная оценка природных факторов, в частности, погодных условий этих регионов.

Еще одной особенностью ЦЧО является отсутствие очагов высочайшей смертности вокруг крупных городов (даже в Белгородском районе), характерных для других регионов катастрофического голода в СССР. С. Уиткрофт пишет, что очаги высокой смертности, например, вокруг г. Киева связаны с тем, что местные власти усилили децентрализованные заготовки в прилегающих к городу сельских районах для обеспечения продовольствием городских жителей, поскольку централизовано снабжались только промышленные центры (Харьковская область и Донбасс) (Уиткрофт, 2013: 758). Однако для аграрного Центрального Черноземья России эта теория (появление очагов голода вокруг городов) не подтверждается. Возможно, исключением является Елецкий район, что указывает на то, что ситуация в регионах определялась в первую очередь местными властями, а не централизованными указаниями.

Районов катастрофической смертности, сравнимых со смертностью в нижеволжском очаге, в ЦЧО только два – Велико-Михайловский (116,5 ‰) и Борисовский (104,4). Очень высокая смертность была в Больше-Троицком, Ровенском, Грайворонском, Ракитянском, Беловском, Иванянском, Шебекинском, Уразовском, Никитовском, Вейделевском, Белгородском, Корочанском, Томаровском, Валуйском, Никифоровском, Расказовском, Елецком, Чернянском, Михайловском, Пичаевском, Ольховатском, Мордовском и Волоконовском районах. Большинство этих районов входит в современную Белгородскую область России. Однако пять – расположены севернее (современная Тамбовская и Липецкая область). Это также указывает на то, что ситуация определялась региональной спецификой.

Несмотря на административно-территориальные преобразования за прошедшие годы, уровень административного района позволяет сопоставить территории ЦЧО с современным административно-территориальным устройством и дать оценку региональным особенностям естественного движения населения (табл. 3, 4).

Таблица 3 – Естественное движение сельского населения в центрально-черноземных областях России в 1933 г.¹

Область	Рождаемость		Смертность		Прирост, тыс. чел.
	тыс. чел	‰	тыс. чел	‰	
Тамбовская*	60,2	33,4	63,8	35,4	-3,6
Липецкая**	46,6	31,8	44,5	30,4	2,1
Орловская**	37,0	29,3	21,3	16,9	15,7
Воронежская	65,4	28,1	70,4	30,3	-5,0
Курская	48,2	26,4	46,1	25,2	2,1
Белгородская	35,1	22,2	85,6	54,1	-50,4

Примечание. * – кроме территории, вошедшей в состав Пензенской области; ** – только районы, входившие в 1934 г. в состав Воронежской и Курской областей.

¹ Рассчитано по РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 38–44.

Как видно, рождаемость на селе возрастала с юго-запада на северо-восток, что указывает на возможные естественно-географические или климатические причины. Сельская смертность более вариабельна, но также географически обусловлена. Она была высока на северо-востоке, определяя небольшую естественную убыль населения Тамбовщины, а также в соседних западных (будущая Липецкая область) и юго-западных (Воронежская) регионах, где наблюдался небольшой прирост и небольшая убыль сельского населения. Ниже смертность на территории будущей Курской области, где малый естественный прирост на селе определялся низкой рождаемостью. Юг современной Орловской области – регион с самой низкой смертностью, высокой рождаемостью и высоким естественным приростом на селе. Территория современной Белгородской области – очаг демографической катастрофы Центрального Черноземья с низкой рождаемостью и очень высокой смертностью. Такая же ситуация, обусловленная местной спецификой, была и в городах Центрального Черноземья России (см. табл. 4).

Таблица 4 – Естественное движение городского населения в центрально-черноземных областях России в 1933 г. (отсортировано по величинам относительной смертности)¹

Населенный пункт	Родилось		Умерло		Прирост	
	чел.	‰	чел.	‰	чел.	‰
п. Борисовка	200	10,3	1 517	78,5	-1 317	-68,1
Елец	875	17,9	3 132	64,2	-2 257	-46,3
Курск	1 438	14,5	6 189	62,3	-4 751	-47,8
Сырский рудник	127	78,5	89	55,0	38	23,5
Грайворон	71	9,1	412	53,0	-341	-43,9
Белгород	522	14,5	1 676	46,4	-1 154	-32,0
Тамбов	1 635	16,7	4 317	44,0	-2 682	-27,4
Обоянь	204	15,9	555	43,2	-351	-27,3
Усмань	287	20,6	599	42,9	-312	-22,4
Рыльск	158	15,1	442	42,3	-284	-27,1
Раненбург	135	17,5	324	42,1	-189	-24,6
Болхов	277	17,1	676	41,7	-399	-24,6
Мичуринск	1 219	18,8	2 641	40,6	-1 422	-21,9
Рассказово	576	18,0	1 286	40,3	-710	-22,2
Мценск	143	14,1	386	38,0	-243	-23,9
п. Шебекино	93	32,2	101	35,1	-8	-2,9
Старый Оскол	469	21,1	772	34,8	-303	-13,7
Острогожск	388	19,8	672	34,3	-284	-14,5
Липецк	1 008	29,9	1 153	34,2	-145	-4,3
Дмитров	66	13,6	158	32,7	-92	-19,0
Борисоглебск	748	15,4	1 575	32,3	-827	-17,0
Орел	1 438	16,1	2 834	31,8	-1 396	-15,7
Ливны	481	24,2	623	31,3	-142	-7,1
п. Свобода	553	34,2	499	30,9	54	3,3
Валуйки	191	14,4	406	30,7	-215	-16,3
Россошань	354	15,9	652	29,3	-298	-13,4
Дмитриев	126	17,0	214	28,9	-88	-11,9
Моршанск	393	13,1	855	28,4	-462	-15,3
Бутурлиновка	642	24,7	736	28,4	-94	-3,6
Задонск	158	21,1	207	27,7	-49	-6,5
п. Карла Либкнехта	55	30,3	50	27,5	5	2,8
Щигры	104	12,1	230	26,9	-126	-14,7
Воронеж	3 496	16,8	5 395	26,0	-1 899	-9,1
Кирсанов	285	12,0	612	25,7	-327	-13,7
Лебедянь	181	15,8	293	25,5	-112	-9,8
п. Семилуки	76	31,7	61	25,5	15	6,3
Суджа	91	13,4	161	23,7	-70	-10,3
Павловск	128	15,8	178	22,0	-50	-6,2
Бобров	458	23,6	427	22,0	31	1,6
п. Готня	17	11,3	33	21,9	-16	-10,6
Новый Оскол	180	19,3	200	21,4	-20	-2,1
Льгов	107	9,8	230	21,1	-123	-11,3
Новохоперск	156	14,1	232	21,0	-76	-6,9
п. Тушиновка	36	7,4	103	20,8	-66	-13,4
п. Грязи	309	22,7	267	19,6	42	3,1
п. Льва Толстого	105	40,7	47	18,2	58	22,5
п. Отрошка	96	27,0	64	18,0	32	9,0
Новосиль	59	20,4	48	16,6	11	3,8
п. Поньри	32	20,8	24	15,6	8	5,2
Нижнедевицк	8	3,5	25	11,1	-17	-7,5
п. Ново-Покровский	6	10,3	6	10,3	0	0,0
Тим	15	7,2	21	10,1	-6	-2,9
п. Коренево	12	8,8	13	9,5	-1	-0,7
Богучар	117	6,4	166	9,1	-49	-2,7
Фатеж	59	1,0	134	2,3	-75	-1,3

¹ Рассчитано по РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 38–44.

С одной стороны, подтверждается гипотеза С. Уиткрофта, поскольку областной центр г. Воронеж характеризуется сравнительно невысокой смертностью и невысокой убылью населения. С другой стороны, наблюдается высокая смертность и убыль населения в городах областного подчинения и промышленных рабочих поселках, в то время как в небольших городских поселениях (где, по версии С. Уиткрофта, не было централизованного снабжения) смертность и естественная убыль населения ниже, а в некоторых отмечен даже естественный прирост. Также достаточно парадоксальная ситуация фиксируется в г. Белгороде, находившемся в эпицентре демографической катастрофы, – смертность значительно ниже, чем в Курске и Ельце, и сравнима с Тамбовом. Это указывает на то, что смертность в ЦЧО имела не только зональный характер, но во многом определялась и действиями местных властей.

Наконец, необходимо рассмотреть вопрос этнической составляющей голода в 1933 г. Анализ смертности в пограничье РСФСР и УССР в районе Центрального Черноземья показывает отсутствие привязки к национальным границам (Wheatcroft et al., 2013). Однако неудачно выбранная шкала, а также то, что не указаны украинские районы ЦЧО, не дает возможности определить этническую компоненту.

В ЦЧО на 01 января 1933 года было 22 украинских национальных района¹, которые нами выделены на картограмме смертности сельского населения в 1933 году (рис. 2).

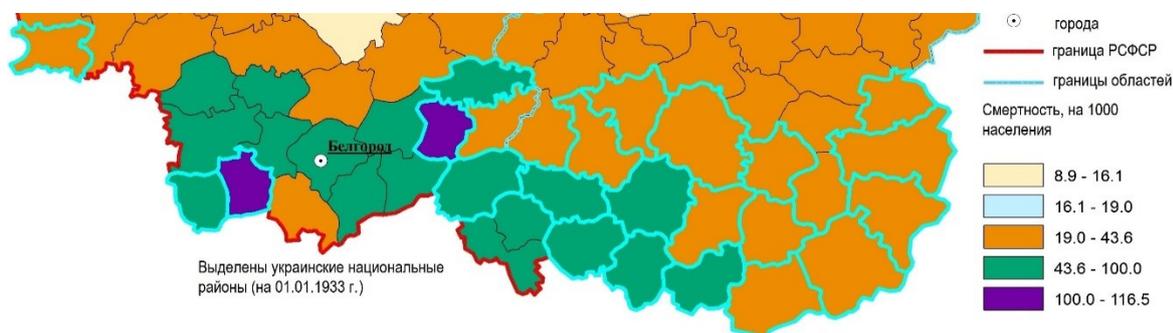
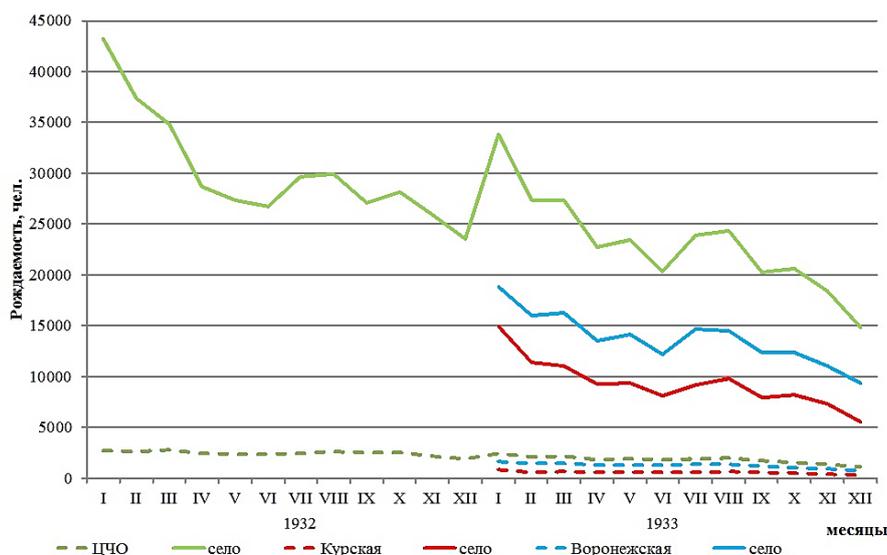

Рисунок 2 – Смертность (на 1 000 чел.) сельского населения в украинско-российском приграничье ЦЧО в 1933 г. (выделены украинские национальные районы)

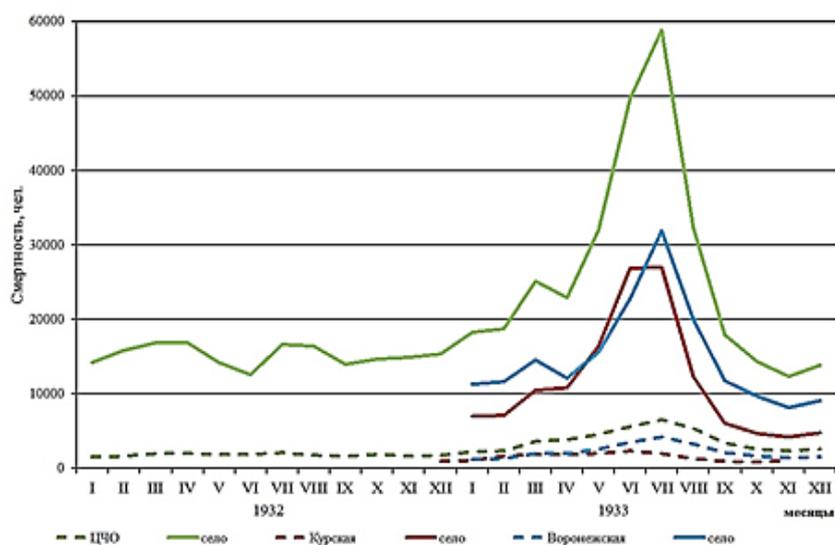
На картограмме (см. рис. 2) видно, что, несмотря на то, что два национальных украинских района характеризовались высочайшей смертностью, смертность сельского населения остальных украинских национальных районов не отличалась от соседних районов, где украинское население не преобладало. Районы пострадали в равной степени, независимо от преобладающей этнической группы населения. На юге Воронежской области в подавляющем большинстве украинских районов смертность на селе не отличалась от смертности в расположенных севернее районах с преобладающим русским населением. Смертность в национальных украинских районах, вошедших в состав современной Воронежской области, составила 32,3 %, а в остальных районах – 29,4 %, величины сопоставимые, неукраинские районы отличались только более высокими показателями рождаемости. Сходная смертность и рождаемость также были зафиксированы в двух украинских национальных районах, вошедших в современную Курскую область. Фактически геноцид голодом украинского населения в украинско-российском приграничье ЦЧО показателями смертности не подтверждается, население страдало одинаково независимо от этнической принадлежности, а ситуация определялась исключительно местными условиями.

Рождаемость на селе в ЦЧО в период 1932–1933 гг. характеризуется плавным падением почти в 3 раза от 45 тыс. в январе 1932 года до 15 тыс. в декабре 1933 года (рис. 3), как и на Нижней Волге (Назаренко, Башкин, 2021б), в ЦЧО в оба года отмечаются сезонные пики рождаемости июля – августа, еще для ЦЧО характерен высокий и резкий пик рождаемости января 1933 г. Подобные связанные с зачатиями весны и конца предыдущего года пики характерны для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа. Такие же пики и падение рождаемости в 2,5 раза за тот же период характерны и для городского населения.

¹ Административно-территориальное деление Союза ССР ... С. 88–95.

А

Б

Рисунок 3 – Динамика рождаемости (А) и смертности (Б) в ЦЧО в 1932–1933 гг.¹

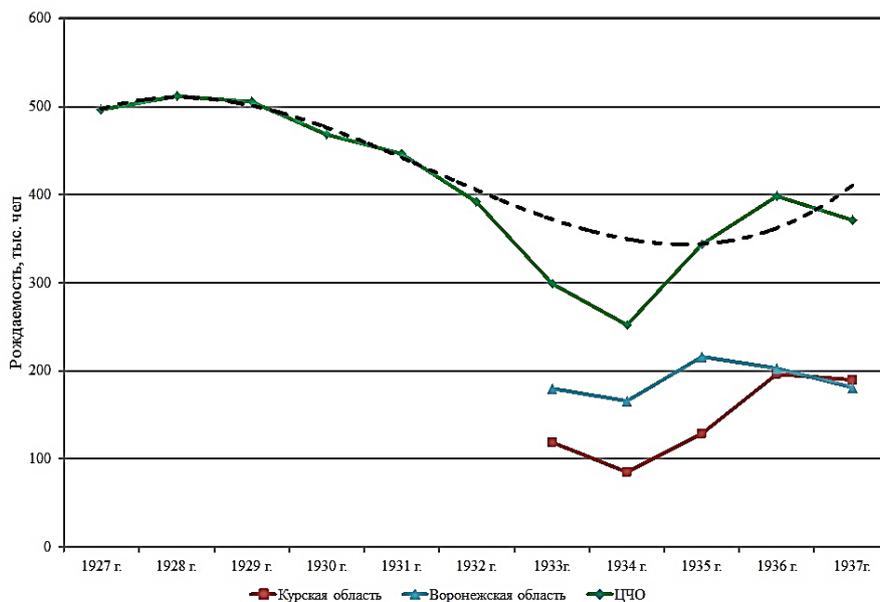
В 1932–1933 гг. рост смертности на селе в ЦЧО был в 3,5 раза (меньше, чем в Нижнем Поволжье (Назаренко, Башкин, 2021б: 196)), динамика смертности также отличалась от нижневолжской. В течение всего 1932 г. смертность в ЦЧО была на уровне 15 тыс. человек с двумя небольшими подъемами марта и июля – августа, которые (летний пик), скорее всего, имели эпидемическую природу. С января 1933 г. начинается рост смертности до мартовского пика (25 тыс. человек), после чего в апреле смертность на территории районов, вошедших в Воронежскую область, снижается до уровня начала года, а в Курской области она стабилизируется. Такая динамика, скорее всего, связана с поступлением продовольственной помощи на село. Но с мая смертность опять скачком возрастает, выходя в Курской области на свой максимум (27 тыс. чел.) в июне – июле. На территории районов будущей Воронежской области смертность растет до июля, после чего по всей ЦЧО резко падает, возвращаясь в сентябре на уровень начала года, а в ноябре – на уровень 1932 г. Общая динамика смертности определяется динамикой территории будущей Воронежской области. Июльский пик смертности в ЦЧО сходен со Сталинградской областью, но более резко выражен. В городах ЦЧО динамика смертности схожа с таковой в городах Сталинградского края.

¹ Построено по РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 36. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 82–83, 87–88.

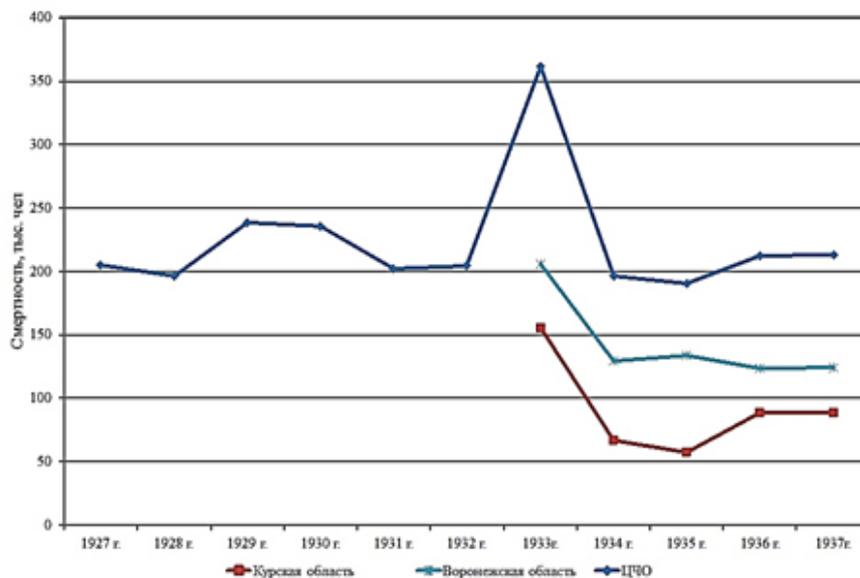
В ЦЧО в целом, как и в районах Курской и Воронежской области, динамика смертности на селе отличается от нижеволжской, что исключает гипотезу искусственного голода, организованного центральной властью в зернопроизводящих регионах России.

Если рассматривать сельскую смертность в ЦЧО на уровне 15 тыс. человек ежемесячно, то «избыточная» смертность за 1933 год составляет максимум 137 тыс. человек (66 тыс. в районах будущей Курской области и 71 тыс. – Воронежской), что почти в 1,4 раза меньше оценки П.В. Загоровского (Загоровский, 1998).

Нами были построены ряды динамики рождаемости и смертности в ЦЧО за период 1927–1937 гг.¹ (рис. 4). В 1936–37 гг. в динамических рядах уже представлена Тамбовская область, в состав которой вошли районы будущей Пензенской области и Орловская область с районами части Западной области, поэтому величины рождаемости и смертности за эти годы оценочные.

А

Б

Рисунок 4 – Динамика рождаемости (А) и смертности (Б) на Северном Кавказе в 1927–1937 гг., пунктиром показан тренд рождаемости²

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 15–25.

² Построено по РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 15–25.

Рождаемость в ЦЧО в 1927–32 гг. плавно ежегодно снижалась (см. рис. 4 А). Это падение связывается с массовой коллективизацией, определившей социальную нестабильность и падение уровня жизни на селе (Нефедов, 2013: 58). Однако рост смертности в ЦЧО (см. рис. 4 Б), обычно сопровождающий падение уровня жизни, небольшой и характерный только для 1929 и 1930 гг., после чего смертность в 1931 г. упала до уровня 1927 г. (до коллективизации), составив 200 тыс. человек. Падение же рождаемости продолжилось. В качестве причины этого называется распад семейных и социальных традиций, эмансипация женщин, рост грамотности и легализация аборт, не сопровождавшиеся ростом смертности. Скорее всего, именно эти процессы и определяли динамику рождаемости в ЦЧО.

В ЦЧО, как и на Нижней Волге, была зафиксирована «яма» рождаемости с минимумом в 1934 г. и возвратом на докризисный уровень к 1936 году. Тренд рождаемости в ЦЧО, построенный без учета 1932–1934 гг. (см. рис. 4 А, пунктир) отличается от нижеволжского (Назаренко, Башкин, 2021б). Рождаемость 1932 г. здесь находится на линии тренда, таким образом, за этот год потери не определяются. В 1933 г. падение рождаемости составило 45 тыс. человек (что почти совпадает с оценкой П.В. Загоровского), а в 1934 г. – 93 тыс. человек. Суммарные общие потери от падения рождаемости в Центральном Черноземье России составили 138 тыс. человек.

Динамика смертности в ЦЧО в период 1927–1932 гг. соответствует динамике Нижне-Волжского края (Назаренко, Башкин, 2021б). Смертность в 1934 году вернулась на уровень 1932 г. и была соотносима со средней многолетней величиной в 200 тыс. человек. В связи с этим «избыточная» смертность в ЦЧО в 1933 г. составила около 162 тыс. человек. Это ниже оценок П.В. Загоровского, но несколько выше наших оценок по динамике 1933 г.

Таким образом, Центральное Черноземье России в период голода 1932–1933 гг. было полностью охвачено системой учета, а некоторое несоответствие числа советов и загсов объяснимо административно-территориальным переустройством в регионе. Советские статистики указывают, что разница между отчетным и фактически охваченным учетом населением в ЦЧО не является недоучетом, а объясняется движением отчетной документации с мест в центральные органы. Эта разница составляет 4 % и 6 % по городскому и сельскому населению соответственно, что является не критическим и объясняется высочайшей миграционной активностью в регионе.

В Центральном Черноземье России велся учет неместных и неизвестных граждан, родившихся и умерших в городах и селах. В городах их доля значительно превышала число родившихся, в отличие от сел, где эти показатели сопоставимы, что указывает на более благополучную ситуацию в сельской местности. Отмечается сравнительно небольшая доля умерших неизвестных в городах по сравнению с местным населением, что может указывать как на сработавшие административные ограничения миграций в регионы, так и на то, что население не стремилось в неблагополучные города ЦЧО, а умершие в них – транзитные беженцы, направлявшиеся в более благополучные северные регионы России.

Всего в Центральном Черноземье России, по нашим оценкам, родилось 318 тыс., а умерло 383 тыс. человек, естественная убыль населения составила 65 тыс. человек. Смертность в городах была сопоставима со смертностью на селе, а абсолютная естественная убыль городского населения – с сельским. Таким образом, в регионе наблюдалась в первую очередь демографическая катастрофа городского населения, а уничтожение голодом российского крестьянства (социцид – крестьяноцид) не подтверждается демографическими показателями.

Рождаемость и смертность в Центральном Черноземье России имели зональный характер. Районы с низкой рождаемостью расположены на юго-западе, с высокой – в центре, на севере и на западе, что, вероятнее всего, определялось комфортностью района проживания. Наименьшая смертность отмечалась на северо-западе. Регион демографической катастрофы привязан к юго-западной границе Среднерусской возвышенности – меловым горам водораздельных участков Ворсклы, Северского Донца и Оскола, характеризующимися особыми природными условиями. В ЦЧО не было очагов высочайшей смертности вокруг крупных городов. Демографические показатели в городах и районах ЦЧО показывают, что смертность во многом определялась действиями местных властей.

Уровень смертности сельского населения украинских национальных районов Центрального Черноземья России соотносим с соседними руссконаселенными районами: никакого геноцида украинского населения в ЦЧО не было.

Рождаемость на селе в Центральном Черноземье России упала с начала 1932 до конца 1933 гг. в 3, а в городах – в 2,5 раза, демографическая «яма» характерна для 1934 г. Рост смертности отмечался с начала 1933 г. с локальным пиком в марте и резким скачком в июне – июле 1933 года, после чего ее значения вернулись на докризисный уровень 1932 г. Сопоставление динамики смертности ЦЧО и Нижнего Поволжья исключает гипотезу создания ситуации искусственного голода со стороны центральной власти.

«Избыточная» смертность в ЦЧО определяется только в 1933 г. – около 162 тыс. человек. Потери от падения рождаемости в Центральном Черноземье России в 1933–1934 гг. составили 138 тыс. человек. Общие демографические потери в регионе – около 300 тыс. человек. Очагом демографической катастрофы российского Центрального Черноземья с низкой рождаемостью, очень высокой смертностью и основными демографическими потерями населения были в районах, вошедших в современную Белгородскую область.

Список источников:

- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Д. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М., 1993. 139 с.
- Брягунов Ю. Голод 1930-х років у Центральному Чорнозем'ї та на Кубані: антиукраїнське спрямування // Три голодомори в Україні в ХХ ст.: погляд із сьогодення. К., 2003. С. 126–140.
- Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. 543 с.
- Жигульский А.В. Опыт взаимодействия власти и общества в условиях голода 1932–1933 гг. (на примере Тамбовской области) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 174. С. 181–190. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-174-181-190>.
- Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг.: людские потери // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. М., 2013. Т. 3: лето 1933–1934. С. 651–662.
- Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. № 14. С. 92–101.
- Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С. К. Факторы демографических процессов в российском аграрном обществе второй половины XIX – конца XX в. (на материалах Тамбовского региона) // Историческая информатика. 2020. № 3 (33). С. 89–102. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2020.3.33820>.
- Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998. 132 с.
- Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009. 288 с.
- Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов – общая трагедия народов СССР // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009. № 15. С. 117–120.
- Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2018. 566 с.
- Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. 350 с.
- Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов. Самарский научный вестник. 2021б. Т. 10, № 2. С. 189–199. <https://doi.org/10.17816/snv2021102210>.
- Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Волго-Вятского региона, Средней Волги и Оренбуржья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. 2021а. Т. 10, № 4. С. 177–192. <https://doi.org/10.17816/snv2021104208>.
- Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. 281 с.
- Нефедов С.А. Демографическая динамика СССР в 1930-х годах // Экономическая политика. 2012. № 5. С. 56–69.
- Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2020. 432 с.
- Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
- Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. М., 2013. Т. 3: лето 1933–1934. С. 719–771.
- Wheatcroft S.G., Garnaut A., Leikin I. Mapping Crude Death Rates in Ukraine in 1933 and Explaining the Raion Patterns // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947). Київ, 2013а. С. 219–226.
- Wheatcroft S.G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I. Mapping and Evaluating the Major Famines of Modern Times // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. Astana, 2013b. P. 11–12.

References

- Andreev, E. M., Darsky, L. E. & Khar'kova, T. L. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soyuz, 1922–1991 gg.* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow. 139 p. (In Russian).
- Brjazgunov, Ju. (2003) *Golod 1930-h rokov u Central'nomu Chornozem'ї ta na Kubani: antiukrain's'ke sprjamuvannja* [Famine of the 1930s in the Central Black Earth Region and Kuban: Anti-Ukrainian Direction]. *Try golodomory v Ukraini v XX st.: pogliad iz siogodennia*. Kiev, pp. 126–140. (in Ukrainian)
- Davies, R. W. & Wheatcroft, S. G. (2004) *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. Registered Excess Deaths by Regions, 1932–1933*. Basingstoke. 555 p.
- Ivniitskiy, N. A. (2009) *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyy Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga Region, Central Black Earth Region, Western Siberia, Ural]. Moscow. 288 p. (In Russian).
- Kondrashin, V. V. (2009) *Golod 1932–1933 godov – obshchaya tragediya narodov SSSR* [The Famine of 1932–1933 – a Common Tragedy of the Peoples of the USSR]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. (15), 117–120. (In Russian).
- Kondrashin, V. V. (2018) *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni* [Famine of 1932–1933 Years: The Tragedy of the Russian Village]. Moscow. 566 p. (In Russian).
- Kondrashin, V. V. (2014) *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.)* [Grain Procurement Policy During the First Five-Year Plan and Its Results (1929–1933)]. Moscow. 350 p. (In Russian).
- Nazarenko, N. N. & Bashkin, A. V. (2021) Regional Features of Birth Rate and Mortality in the Lower Volga Region in the Famine of 1932–1933s. *Samara Journal of Science*. 10 (2), 189–199. Available from: [doi:10.17816/snv2021102210](https://doi.org/10.17816/snv2021102210). (In Russian).
- Nazarenko, N. N. & Bashkin, A. V. (2021) Regional Features of Birth and Mortality Rate in the Volga-Vyatka, Middle Volga and Orenburg Regions during the Famine of 1932–1933. *Samara Journal of Science*. 10 (4), 177–192. Available from: [doi:10.17816/snv2021104208](https://doi.org/10.17816/snv2021104208). (In Russian).

- Nefedov, S. A. (2012) Demograficheskaya dinamika SSSR v 1930-kh godakh [Demographic Dynamics of the USSR in the 1930s]. *Ekonomicheskaya politika*. (5), 56–69. (In Russian).
- Nefedov, S. A. (2013) *Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivization*. Tambov. 283 p. (In Russian).
- Nefedov, S. A. (2017) *Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh [The Standard of Living of the Population and the Agrarian Development of Russia in 1900–1940]*. Moscow. 432 p. (In Russian).
- Osokina, E. A. (1991) Zherty goloda 1933 goda: skol'ko ikh? (Analiz demograficheskoy statistiki TsGANKh SSSR) [Victims of the Famine of 1933: How Many of Them? (Analysis of Demographic Statistics of the CGANH USSR)]. *Istoriya SSSR*. (5), 18–26. (In Russian).
- Wheatcroft, S. G. (2013) Pokazateli demograficheskogo krizisa v period goloda [Indicators of the Demographic Crisis in the Period of Famine]. *Golod v SSSR. 1929–1934. Vol. 3: Leto 1933–1934*. Moscow, pp. 719–771. (In Russian).
- Wheatcroft, S. G., Garnaut, A. & Leikin, I. (2013) Mapping Crude Death Rates in Ukraine in 1933 and Explaining the Raion Patterns. *Famine in Ukraine in the first half of the twentieth century: causes and consequences (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947)*. Kiev, pp. 219–226.
- Wheatcroft, S. G., Garnaut, A., O'Grada, C. & Bishop, I. Mapping and Evaluating the Major Famines of Modern Times. In: *Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences*. Astana, pp. 11–12.
- Zagorovskii, P. V. (1998) *Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya goloda v Tsentral'nom Chernozem'e v pervoi polovine 1930-kh godov [Socio-Economic Consequences of Famine in the Central Black Earth Region in the First Half of the 1930s]*. Voronezh. 132 p. (In Russian).
- Zhigul'skiy, A. V. (2018) The State-Society Interaction Through the Famine of 1932–1933 (the Tambov Region Case). *Tambov University Review: Series Humanities*. 23 (174), 181–190. Available from: doi:10.20310/1810-0201-2018-23-174-181-190. (In Russian).
- Zhiromskaya, V. B. (2009) Famine of 1932–1933 in Russia and the Contemporary International Relations. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. (14), 92–101. (In Russian).
- Zhiromskaya, V. B. (2013) Golod 1932–1933 gg.: Lyudskie poteri [Famine of 1932–1933: Human Losses]. In: *Golod v SSSR. 1929–1934. Vol. 3: leto 1933–1934*. Moscow, pp. 651–662. (In Russian).
- Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V. & Lyamin, S. K. (2020) Factors of Demographic Processes in Russian Agrarian Society in the Second Half of the 19th – Late 20th Centuries (Tambov Region Data). *Istoricheskaya informatika*. (3 (33)), 89–102. Available from: doi:10.7256/2585-7797.2020.3.33820. (In Russian).

Информация об авторах

Н.Н. Назаренко – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=238810

Н.В. Коршунова – доктор исторических наук, декан исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=545641

А.В. Башкин – координатор проекта «Исторические материалы» (<https://istmat.org/>), Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1100945

Information about the authors

N.N. Nazarenko – Doctor of Biological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Chemistry, Ecology and Methods of Teaching Chemistry, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=238810

N.V. Korshunova – Doctor of Historical Sciences, Dean of the Historical Faculty, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=545641

A.V. Bashkin – Coordinator of the project “Historical materials” (<https://istmat.org/>), Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1100945

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.11.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.12.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 21.03.2023.